

Она стала для него надеждой
и музой, но теперь музыка —
единственный способ
передать его чувства.

МИЯ
ШЕРИДАН

ВАЖНЕЕ

СЛОВ

Сурсаке. Бестселлеры Буктока. Мия Шеридан

Мия Шеридан

Важнее слов

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Шеридан М.

Важнее слов / М. Шеридан — «Эксмо», 2018 — (Сурсаке.
Бестселлеры Буктока. Мия Шеридан)

ISBN 978-5-04-249705-6

Случайная встреча в самом романтическом городе всколыхнула давно забытые детские чувства: история Джессики и Каллена дает надежду на то, что если вам суждено, вы будете вместе несмотря ни на что и справитесь со всеми трудностями и проблемами. Лена Кречетова, книжный блогер, Lenok_book_kre НЕУЖЕЛИ СТРАХ, ЗАТУМАНИВШИЙ СЕРДЦЕ, ЯРЧЕ ТВОЕЙ МУЗЫКИ, КОТОРУЮ СЛУШАЕТ ВЕСЬ МИР? Замок во Франции, на берегу Луары. Случайная встреча друзей детства. Каллен – гениальный композитор. Он умеет складывать ноты в прекрасные мелодии, способные покорить мир. Успешный, но глубоко несчастный, он топит в вине и случайных связях детские травмы и тайны своего отца. Он здесь, чтобы преодолеть творческий кризис и дописать саундтрек. Джессика — переводчица. Она строит мосты между языками и эпохами, расшифровывая древние манускрипты, но не может расшифровать свои чувства. Она здесь, чтобы изучить недавно обнаруженный манускрипт, проливающий свет на прошлое Жанны д`Арк. Суждено ли Джессике стать музой Каллена, или его уже невозможно спасти? - герои со стеклянным прошлым - БЕСТСЕЛЛЕР по версиям New York Times, USA Today и Wall Street Journal. - Хит БукТока в оригинальном оформлении Соберите все книги цикла "Там, где любовь встречается с судьбой" - истории про исцеляющую силу нежного чувства. Книги можно читать в любом порядке. В цикл входят книги: 1. Голос Арчера 2. Главное — ты 3. Важнее слов

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-249705-6

© Шеридан М., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	7
Часть первая	15
Глава 1. Каллен	15
Глава 2. Джессика	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Мия Шеридан

Важнее слов

Mia Sheridan

More Than Words

Copyright © 2018 by Mia Sheridan

This edition published by arrangement with Grand Central Publishing, a division of Hachette Book Group, Inc., USA. All rights reserved

© Брагинец Е., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

«Ночь темна и...» Я осторожно сделала шаг, сухая летняя трава нежно захрустела под моими ногами. «Вот-вот разразится гроза?» Нет, даже тумана не было. Я сощурила глаза и взглянула на бледную луну над головой. Еще даже не успело потемнеть, вечернее небо только-только обращалось в темно-голубой. Вдалеке залаяла собака, и снова стало тихо, мои шаги отдаются эхом, как будто я совсем одна в этой странной местности, полной опасностей. «Одна», – прошептала я наконец, решив все для себя. Я расправила плечи, набираясь храбрости. – «В ночи... все тускло и очень одиноко, и все же принцесса продолжила свое путешествие, всем сердцем веря, что принц уже где-то близко и что он ее выручит. Все, что ей нужно было делать, это не переставать надеяться».

Я пошла дальше, мое дыхание сбивалось, когда учащался пульс. Я никогда раньше не отходила так далеко от дома, и все теперь было незнакомым. *Где я?* Когда небо посерело, вдалеке вдруг мелькнули огоньки, как будто это была путеводная звезда или маяк. «Звезды сверкали в небе, и принцесса последовала за самой яркой из них, ведь она точно приведет ее в безопасное место, и там... – Мой живот заурчал куда громче тихого перепева сверчков в вечернем воздухе. – ...будет еда».

Между мной и огоньками – теперь я видела, что это фонари, – возник склон, по которому я медленно взбиралась. В одной руке я зажала книгу, а другой пыталась балансировать, когда подъем становился совсем уже крутым. «Принцесса сильно утомилась в пути, но она собралась с силами, чтобы взобраться по утесу, ведь она знала, что, забравшись наверх, она поймет, где оказалась. Возможно, она даже увидит принца, который спешит к ней, оседлав своего верного скакуна».

Огни были совсем близко, и когда я добралась до вершины, пробравшись через какие-то кусты, то оказалась у железной дороги сразу. Я шумно выдохнула и посмотрела по сторонам, оглядывая местность у себя под ногами. Внизу я могла различить край поля для гольфа, под которое отвели большое пространство. Я вздохнула с облегчением, ведь теперь я понимала, где я. Я жила в районе, который примыкал к противоположному краю поля. И как меня угораздило замечтаться так, что я совсем не заметила, как далеко от дома уже забрела?

Раз теперь я знаю, куда идти, мне следует сейчас же поспешить домой.

Я постояла еще немного, смотря в направлении своего дома. Я улавливала звуки, отзвуки: вот плачет моя мама, вот мой отец раздраженно что-то бурчит, вот хлопает дверь по соседству – это мой младший брат отправился на ночевку к своему другу Кайлу. «Я не хочу туда возвращаться». Они еще очень нескоро заметят, что меня нет. Если вообще заметят.

Я обернулась к железной дороге. Неподалеку на путях стоял одинокий товарный вагон, и я с любопытством его рассматривала, переминаясь с ноги на ногу, пока в груди у меня поднимался легкий трепет. «Впереди принцесса увидела пещеру, – прошептала я, – и что-то влекло ее туда, какая-то неведомая сила». *Судьба.*

Я медленно двинулась к вагону, ступая по гравию и перешагивая через рельсы. Теперь треск сверчков внизу в поле был едва различим, и ночь внезапно стала тихой и спокойной, как будто весь мир задержал дыхание. Мое сердце забило чаще в предвкушении... чего-то. Я прикоснулась к вагону и теперь вела по нему рукой, металл был холодным и гладким. Я подходила все ближе к открытой двери, на месте которой был темный провал. Я прошептала, едва издавая звуки: «Пещера была темной, но и принцесса была храброй. Она ненадолго останется тут, подождет, пока принц ее не нагонит. Он уже совсем близко. Она *чувствует* это».

Я остановилась у открытой двери и подалась вперед, чтобы посмотреть, что внутри. Мое дыхание понемногу восстановилось, но тут я раскрыла глаза от удивления. В глубине вагона сидел мальчик, прислонившись к стене. Он сидел, вытянув ноги и скрестив их в лодыжках,

сидел, закрыв глаза. Сердце у меня в груди заколотилось. *Кто же он?* Свет от одной из ламп давал немного рассмотреть его – этого было достаточно, чтобы я увидела, что губы у мальчика в запекшейся крови, а глаз подбит. Я не могла отвести взгляд и подметила, как лежали волосы у мальчика на лбу – так, будто у него даже не хватало сил убрать их. Лицо его было в синяках, глаза закрыты, а на щеках, мне казалось, были видны следы от слез, и все равно это был самый красивый мальчик, какого я только видела в жизни. Настоящий принц. Печальный принц... У меня закружилась голова. *Принцесса думала, что дожидается принца, но... но все вышло наоборот. Принц пережил страшную битву и добрался до темной пещеры, где и ждал теперь... когда же она его спасет.*

Мальчик открыл глаза, в которых стояли слезы. Он вздрогнул, увидев меня, и сжал кулаки. Но затем он сморгнул слезы, свел брови и сел прямо, расслабив руки.

Я забралась в вагон и встала перед ним. Ноги от такой неожиданной встречи у меня подкашивались.

– Я тут, чтобы спасти тебя, – выпалила я.

Когда я поняла, что сказала это вслух, то почувствовала, как краснею. Он не знал, чего я себе нафантазировала, и тут я поняла, как же странно и неловко я должна была выглядеть со стороны. Я слишком увлеклась своим выдуманным миром. Хотя... ему-то *точно* кто-то должен был прийти на помощь. Может быть, конечно, не принцесса-фантазерка, но все же хоть кто-нибудь...

Брови мальчика поползли вверх, пока он оглядывал меня с макушки до пяток. Он усмехнулся, хотя это больше было похоже на вздох.

– Спаси? Да ну? Тогда я пропал, – пробормотал он.

Это как понимать? Я подбоченилась, и жалость, которую я чувствовала только что, превратилась в раздражение. Может, я и *правда* была странной и неловкой, но уж таких смешков я не заслужила.

– Я сильнее, чем кажется, – заявила я, выпрямляясь. – В своем классе я была пятой по росту.

Мальчик ухмыльнулся и провел рукой по волосам, убирая их со лба.

– Не сомневаюсь. А что ты тут делаешь? Ты что, не знаешь, что маленьким девочкам не стоит гулять одной ночью по железной дороге?

Я сделала шаг вперед, рассматривая граффити, оставленные на стенах вагона. На ближайшей ко мне стене тоже было что-то написано, и я наклонилась это прочитать.

– Лучше не надо, – сказал мальчик. Я обернулась к нему и уставилась вопросительно. – Это точно не для детей.

Он вздернул бровь. *Не для детей?* Как будто он сам их уже не прочел. Ну-ну.

Я прокашлялась и решила все же последовать его совету. По крайней мере, сейчас. Я догадалась, что там были какие-то ругательства. Я вернусь сюда позже одна и все прочитаю. Может быть, даже что-нибудь запомню и заучу, потому что... а чего бы и нет?

– Ты сам не то чтобы выглядишь старше меня, – заметила я. По правде говоря, я не была уверена. Спроси меня, я бы сказала, что он учится в средней школе, но что-то в выражении его лица – может, все из-за его глаз – делало его старше.

– Ну, я парень, я знаю, как себя защитить.

Я посмотрела на его лицо в синяках и подумала, что как минимум от одного человека он защититься не смог.

– Хм. Так сколько тебе лет?

Он угрюмо посмотрел на меня, как будто не мог решить, отвечать ему или нет.

– Двенадцать.

– А мне одиннадцать с половиной. – Я улыбнулась. – Меня зовут Джессика Кресвелл.

Я присела на колени и сложила руки.

Он всматривался в меня какое-то время, словно не зная, что обо мне думать. Я посмотрела в сторону, прикусив губу. Внезапно я почувствовала себя очень уязвимой. Я знала, что я не самая милая девочка на свете. И волосы, и глаза у меня были все одного и того же скучного светло-карего цвета. На носу и на щеках у меня была россыпь веснушек, от которых я пыталась избавиться, натирая их лимонным соком (конечно же, это не помогало). А еще я была ужасно тощей, без слез не взглянешь. Девочки из моей французской школы для всяких пижонов постоянно напоминали мне про мои угловатые коленки и не упускали возможности указать на глупый вихор, который постоянно выбивался из моих волос. Я укладывала его с помощью мамино геля для волос, но он не поддавался и вскоре снова объявлялся, словно какой-то гребень. *Без шансов.*

– Что ты тут делаешь, Джессика Кресвелл?

Я уселась напротив него, опершись на стену, и подобрала колени, чтобы было удобней.

– Я типа потерялась. Но я уже поняла, где я. Знаю, как попасть домой.

– Тогда туда тебе и следует направиться. Домой.

Я жала губы, помрачнев от одной идеи идти домой.

Он сощурился, посмотрев на меня. От этого мне снова стало не по себе.

– Тебе что, не нравится твой дом, Джесси?

Джесси. Сердце забилось сильнее, стоило мне услышать, как этот красивый мальчик так мило обращается ко мне. Джесси – так меня еще никто не называл. Мне понравилось.

– Мне... наверное, не очень. Мои родители часто дерутся.

Не знаю, почему я рассказала об этом, тем более незнакомцу, но этот вагон и этот разговор... были такие нереальные, словно все это был сон, словно это моя фантазия понемногу сбывалась. Словно бы то, что будет тут сказано, тут и останется.

Он снова вздохнул, глядя куда-то мимо меня.

– Да уж, – сказал он, словно бы все понимал.

Я спросила было, не дерутся ли и его родители тоже, но он кивком указал на мою книгу, которую я положила рядом с собой.

– Это что такое?

– «Король Артур и рыцари Круглого стола».

Он наклонил голову:

– Тебе что, нравятся сказки, Джесси?

Я медленно кивнула в ответ. Я подумала о своих родителях, о том, как мама постоянно таскала нас с собой по мотелям и ресторанам или к папе на работу, когда он там задерживался, – и везде мы заставляли его вместе с его подружками. Мой младший брат был еще совсем маленьким, и каждый раз при виде отца у него загорались глаза и он громко и радостно говорил: «Привет, папочка!» Тогда папа морщился, а его подружка, пораженная, как-то сжималась, а мне хотелось умереть со стыда. Затем моя мама начинала рыдать и закатывала истерику. Иногда отец возвращался домой с нами вместе, но чаще он захлопывал перед нами дверь, уезжал или уходил, оставляя нас одних.

Теперь Джонни было девять, и он достаточно все понимал, чтобы так же, как и я, стогать со стыда, когда вскрывалась очередная интрижка папы.

Моя мама всегда рыдала и стонала, а папа давал все новые обещания, которым никто не верил. *Даже он сам*, думала я. В такие моменты Джонни и я просто старались слиться с фоном.

Сказки помогали мне поверить, что не все мужчины такие же, как мой папа. Сказки помогали мне попасть в мир, в котором принцы никогда не врали и не изменяли, а принцессы были сильными и храбрыми.

– Да, нравятся. Сказки, приключения. Однажды я отправлюсь в такое путешествие, какого еще никто не совершал. Я буду жить в Париже, у меня будет парень-француз, он будет

писать мне *самые* прекрасные любовные письма, а я буду целыми днями есть французский шоколад.

– Спорю, ты тогда станешь толстой.

– Может, – я пожалала плечами, – может, если захочу.

Мальчик слегка усмехнулся, и от этого у меня в животе запорхали бабочки. Когда он улыбался, то становился еще красивее. Хотя, глядя на него теперь, я видела, что одежда у него была поношенная, толстовка была ему маловата, а подошва одного ботинка готова была отойти. Очевидно, он был из бедной семьи, и, поняв это, я еще больше прониклась к нему нежностью.

– Ты не сказал, как тебя зовут, – заметила я, перебираясь к нему поближе.

Он пристально посмотрел на меня, но потом пожал плечами:

– Каллен.

– Кельвин?

– Нет же, Каллен. К-А-Л-Л-Е-Н.

Я повторила вслед за ним, и мне понравилось, как звучит его имя.

– Каллен, – я остановилась. – Ты что, ввязался в драку? – спросила я, переводя взгляд с его рассеченной губы на покрасневший глаз.

– Верно.

– Так с кем ты подрался?

Он на мгновение отвел взгляд, а затем снова посмотрел на меня.

– Просто с хулиганом.

Я медленно кивнула.

– Ох. Я надеюсь, теперь-то ты будешь держаться от него подальше.

Каллен то ли усмехнулся, то ли просто выдохнул.

– Нет, Джесси. У меня не выйдет держаться от него подальше. Но ничего страшного, синяки меня не заботят.

Я нахмурилась, потому что не могла понять, как это: кого-то избили, а он говорит, что все в порядке. Я уже собиралась что-то сказать, но тут Каллен подался вперед, взял мою книгу и принялся разглядывать обложку. Перевернув книгу, он стал читать изложение, помещенное на задней обложке.

– Ты знаешь французский? – спросила я удивленно.

Он посмотрел мне в глаза, и выражение лица у него стало какое-то непонятное.

– Нет. Я как раз хотел спросить, что это за язык.

Я кивнула, перебираясь еще ближе к нему. Теперь я опиралась на ту же стену, что и он.

– Хочешь, я почитаю для тебя? Я могу переводить. Я хожу во французскую школу, и все книжки у нас на французском.

– Французская школа?

– Да. Все предметы у нас ведутся на французском языке. Это помогает быстрее освоить язык.

– Ха, – фыркнул он, наклоняя голову и изучая меня. – Так ты правда можешь однажды перебраться в Париж и потолстеть.

– Ага, – улыбнулась я.

Он улыбнулся в ответ, отчего бабочек в животе только прибавилось.

– Что ж, принцесса Джесси, давай. Почитай для меня.

* * *

Тем летом я каждый день ходила к железной дороге: оставляла позади свой район, пересекала поле для гольфа и поднималась по насыпи.

Если Каллен ждал меня там, я читала для него или мы вместе отправлялись в путешествие. Он делал вид, будто делает это все только ради меня, но сам он чаще улыбался, когда мы отправлялись к вулканам в Царстве Безжалостных Долин или собирали магические травы на Полях Вечности.

– Я не хочу, чтобы ты бывала тут одна, Джесси, – ответил он мне однажды, когда я сказала, что вчера гуляла по насыпи одна. – Никогда не знаешь, кто может тереться около железной дороги.

– Я еще ни разу никого не видела. Только тебя.

– Да ну... – он посмотрел в сторону поворота, туда, где пути скрывались за деревьями. – Те, кто тут ошивается, их обычно можно найти в полумиле отсюда, вон там, где старые вагоны прикрыты деревьями и кустами. Но тут никогда нельзя быть уверенным...

Он был на голову выше меня, и поэтому когда я взглянула на него, то сразу же увидела синяк у него под челюстью.

– Вообще, со мной тебе тоже не стоит водиться.

У меня сжалось сердце, я испугалась, что вот сейчас он прогонит меня, скажет, что больше не хочет видеться.

– Неправда, – сказала я твердо. – Ты самый прекрасный из тех, кого я встречала.

– Джесси, – он то ли звал меня, то ли просто неровно дышал, но я готова была поклясться, что услышала свое имя. Он поймал мой взгляд и улыбнулся, нежно, радостно, и вдруг стал выглядеть еще моложе своих лет. Каллен вздохнул, глядя вдаль. Может, он жил в той стороне, хотя в этом я не могла быть уверена. О чем бы он ни думал, это стерло улыбку с его лица. Когда он вновь взглянул на меня, то спросил:

– Сможешь приходить сюда по вторникам и четвергам в семь?

В это время, сразу после обеда, мой папа как раз отправлялся на «внеплановую» встречу. Мы-то, конечно, понимали, что речь в действительности шла об очередной его подружке, которая ждала его в номере мотеля. Мама же открывала бутылку вина и просто плакала. Мы же были уже достаточно взрослые, так что таскать нас за собой, не рискуя нарваться на ответную агрессию, было сложно.

– Да, я смогу. А по субботам встречаемся в три?

Он помолчал немного, а затем несколько вымученно улыбнулся – и все равно сердце мое сделало сальто:

– По субботам в три.

* * *

Прошел год с тех пор, как мы встретились, и вот одним холодным осенним днем – таким холодным, что изо рта уже идет пар, – мы снова сидим в том же вагоне, почти прижимаясь друг к другу. Я читаю для Каллена «Приключения Робин Гуда», переводя с французского. Я остановилась, когда он подался вперед и, потянув за край, вытянул из моего рюкзака листок бумаги. Он изучал его какое-то время, а потом посмотрел на меня.

– Что это такое?

Я отложила книгу и повернулась к нему, слегка наклонив голову.

– Это моя музыка для пианино.

Он вновь посмотрел на листок и протянул его мне, указывая на первую ноту.

– Это ведь ноты.

– Да, – ответила я, хмурясь. – Ты никогда не видел такую запись?

– Такую – нет, – что-то странное было в его голосе, и говорил он очень быстро. Он снова указал на первую ноту: – Это какая?

– Эм, это нота ми, обозначается латинской E.

– Е? – он свел брови. – Как буква Е?

Я покачала головой.

– Как бы да, но как бы и просто нота. Это другой, эээ... язык, что ли.

Я улыбнулась, а с его лица напряженное выражение все не сходило, и он снова посмотрел на лист. Вскоре, однако, морщинка, залегшая между бровей, разгладилась. Он ткнул в еще одну Е, а потом еще в одну.

– Это все, выходит, Е.

Я кивнула, сведенная с толку его возбуждением. За тот год, что мы были знакомы, я наблюдала у него две эмоции: вот он угрюмый, а вот вроде как счастлив. Меня кольнула какая-то иррациональная зависть – я завидовала его внезапному энтузиазму.

– Да, все верно.

Он быстро закивал. Глядя на гладкую загорелую кожу его шеи, я видела, как сильно у него участился пульс.

– А это что?

Я посмотрела туда, куда он указывал.

– Это скрипичный ключ. Он определяет регистр, в котором будут находиться ноты на этой строке.

Он снова нахмурился, и я поспешила объяснить:

– То есть насколько высоко или низко они прозвучат.

Он снова закивал, в глазах у него светилось что-то, какое-то чувство, названия которому я не могла подобрать. Это было *не просто* волнение и возбуждение. Это была... недоверчивость? Неужели это все оттого, что он взаимодействовал с другим языком? Я замечала, как он напевает, пока мы играем. Этими напевами он сопровождал наши игры – медленными, мрачными и жуткими, когда мы охотились за злодеем, и легкими, радостными, когда мы бежали через поле волшебных говорящих колокольчиков. Иногда я глядела на него и улыбалась какой-то определенной мелодии, и в его взгляде тогда читалось недоумение, будто он и не знал, что музыка эта играла не только у него в голове.

Он взглянул мне в глаза, и по спине у меня побежали мурашки.

– Ты принесешь еще?

– Еще нот?

– Да.

– Л-ладно. Я... у меня и синтезатор есть. Хочешь, принесу? Для этого есть специальная сумка.

– Да, давай, – выдохнул он. Он схватил мою руку и сжал ее, и снова от его прикосновения по спине у меня пробежали мурашки. Вдруг я сделалась совсем робкой, но была рада, что смогла предложить ему что-то, что, очевидно, делало его счастливым. Я хотела дать ему еще. Я хотела, чтобы он снова посмотрел на меня и чтобы его серые глаза светились от радости.

Так что спустя два дня я бежала сквозь поле и вверх по насыпи в обнимку с сумкой для синтезатора. Радость наполняла мою грудь. Я рассказала Каллену об остальных нотах, и в глазах его зажглось то же удивление. На пианино я никогда хорошо не играла, но основы я знала и преподавала их Каллену. Еще я отдала ему синтезатор, который пылился у меня в шкафу так долго, что я успела о нем позабыть.

Музыка оказалась для него родной средой, как вода для рыбы, и я была поражена тому, что всего за пару месяцев он научился играть куда лучше, чем я. А ведь у нас дома стояло небольшое пианино от компании Schimmel, за которое меня усаживали каждую неделю и заставляли практиковаться, как мне казалось, буквально целый день, хотя на самом деле проходило всего полчаса.

Однажды, чуть позже в том же году, он пришел весь озлобленный, лицо в синяках, и тяжело сел, прислонившись головой к стене.

– Почитаешь для меня сегодня, Джесси?

Я кивнула и вытащила из рюкзака книгу.

– Конечно.

Я начала читать «Трех мушкетеров», останавливаясь после каждой пары параграфов и наблюдая за ним. На его лице застыло выражение грусти, глаза были сомкнуты. Я набралась храбрости.

– Тебя избивает твой отец? – спросила я мягко.

Он открыл глаза, но не повернулся ко мне. Долго молчал. Я не знала, станет ли он вообще мне отвечать. Мое сердце забилося сильнее, когда я представила, что сейчас он разозлится и просто уйдет.

– Да, – ответил Каллен.

У меня сжалось сердце, и я выдохнула.

Он взглянул на меня, изучая мое лицо.

– Мне плевать на то, что он меня бьет, но вот то, что он говорит... ладно, не важно...

Мне страшно хотелось, чтобы он не останавливался и продолжал говорить, но я не знала, как попросить об этом.

– Мой отец тоже не очень-то хороший человек.

Я перешла на шепот, как будто рядом был кто-то, от кого эту правду нужно было скрывать. Может, это была я сама. Я знала это уже давно, сколько себя помню, но вот я сказала это вслух – и это стало истиной, от которой уже не отвернуться. Больше у меня не получится прикидываться, что дела обстоят иначе. Мой отец был слабаком и эгоистом и не так уж сильно нас любил, если ему вообще было знакомо это чувство.

Каллен потянулся и взял меня за руку. Я не отрывала взгляда от наших переплетенных пальцев, от моих, бледных и маленьких, и его, загорелых, мозолистых, куда больше моих. Я смотрела на наши соединенные руки, и мне пришлось подавить ком в горле перед тем, как продолжить.

– И самое худшее – это то, что моя мать все еще его любит. Сколько бы слез она из-за него ни проливала, она всегда возвращается. Я просто... я не понимаю, как вообще человек может столько плакать.

Когда я подняла взгляд, оказалось, что Каллен смотрит прямо на меня. Я вдруг почувствовала себя неуверенно, хотя ведь он тоже рассказал мне свой секрет. Я прикусила губу и посмотрела в сторону.

– Так вот почему тебе так нравятся сказки, Джесси?

Он говорил мягко и заботливо, но из-за этого вопроса я почувствовала себя еще более незащищенной. Он слегка сжал мою руку. Я хотела рвануться в сторону, я хотела быть ближе, и чувства, что обуревали меня, были мне совсем неизвестны, я одновременно боялась и чего-то ждала с нетерпением.

– Мы уже давно не играли в наши игры, – ответила я, качая головой.

Вместо того, чтобы отправляться в путешествия, я читала вслух или делала домашние задания, а Каллен играл на синтезаторе. В такие моменты он был весь сосредоточен, он наигрывал короткие мелодии, такие красивые, что сердце у меня замирало. Часто эти мелодии просто обрывались, как если бы все их очарование вдруг уходило у него сквозь пальцы или он не знал, что с ними делать дальше.

Его полные губы слегка приоткрылись.

– Иногда мне становится жалко, что мы больше не фантазируем.

– Да ну, – улыбнулась я.

– Я не вру. Ты позволила мне почувствовать себя героем.

– Ты и есть герой, – сказала я на выдохе. – Для меня ты точно герой.

Он затряс головой.

– Нет, Джесси. Я не герой. Господи, я не могу даже...

– Что? Что такого он говорит тебе? Чего ты не можешь, по его мнению? – спросила я, чувствуя в себе злость и желание защитить. Я знала, что это из-за отца у него бывает такой потерянный взгляд.

Каллен засмеялся, но не оттого, что ему было весело.

– Он просто говорит все как есть.

– Нет! Я отправлюсь к тебе домой и все выскажу твоему отцу!

– Только попробуй, – холодные и отстраненные слова резанули меня. Я смотрела на Каллена, мои щеки пылали, в глазах проступили слезы. Он никогда еще не говорил со мной так жестко.

– Я... я бы не сделал ничего, что бы тебе...

Он резко подался вперед, так, что я вскрикнула, и вот его губы уже соединились с моими, такие мягкие и теплые. Мое тело горело. Я замерла в нерешительности, ведь до этого я ни разу не целовалась. На зубах у меня стояли неудобные брекеты, и я понятия не имела, что делать.

Каллен сжал мою руку еще сильнее, а другой рукой мягко взял меня за голову и притянул еще ближе к себе, нежно – медленно – поцеловал меня еще раз. Я непроизвольно вздохнула, и он неуверенно провел языком по моим приоткрытым губам, отчего я непроизвольно раскрыла их полностью.

Он вздрогнул, будто сам не ожидал такого, и я открыла глаза, чтобы увидеть, что его тоже были широко распахнуты. Несколько мгновений мы глядели друг на друга вот так, вблизи, широко открытыми глазами, и я только смутно осознавала, как сильно колотится сердце у меня в груди. Затем мы снова смежили веки. Он наклонил голову и слегка протолкнул язык мне в рот. Я закрыла глаза и ответила ему: прикоснулась своим языком к его и тут же отступила. Целая лавина ощущений готова была погрести меня под собой: возбуждение, волнение, удовольствие и страх. Каллен нежно прикусил мою губу, и я еле слышно вздохнула от такого взаимодействия. Мне нравилось, каким он был на вкус, мне нравился его запах, когда он был вот так вот близко, – корица, соль, какое-то вкусное мыло. У него был запах мальчика. *Моего принца.*

Когда он подался назад, у меня закружилась голова, я была в полусонном состоянии, я будто парила в каком-то другом измерении. Я моргнула пару раз, чтобы прийти в себя, и застенчиво улыбнулась. Он неуверенно улыбнулся в ответ.

– Ни с кем я не чувствую себя так, как с тобой, принцесса Джесси. И это навсегда.

Это был единственный раз, когда мы поцеловались.

После того дня Каллен больше не приходил к железной дороге. Я возвращалась туда каждый вторник, четверг и субботу, отчаянно надеясь, что застану его там. Я не знала, где мне искать его. Санта-Люсия, город в Северной Калифорнии, где мы жили, был слишком большим, а я даже не знала его фамилию.

Все, что мне осталось в память о нем, было несколько строчек с нотами, которые были от руки нарисованы на выдерганном откуда-то листке бумаги, что я нашла в углу вагона.

Неделя проходила за неделей, а я продолжала терзаться мыслями о том, почему он исчез. Я что-то сделала не так? Ему не понравилось со мной целоваться? Ему стало стыдно? Неужели его отец сделал с ним что-то ужасное? Мне отчаянно нужны были ответы, но шанса получить их не было совсем.

Наконец одним летним вечером во вторник, когда я уже год провела надеясь, что он вернется, я присела в дверях вагона и попрощалась с моим исчезнувшим героем – моим печальным принцем – утерла слезу, что побежала по щеке. Больше я туда не возвращалась.

Часть первая

Все, что у нас есть, – это наша жизнь, и мы проживаем ее так, как верим, что ее нужно прожить. Но пожертвовать тем, кто ты есть, и жить без веры, – это судьба страшнее смерти.

Жанна д'Арк

Глава 1. Каллен

Десять лет спустя

Я выпил шот текилы и не смог не скорчить гримасу, когда почувствовал, как она обожгла мне горло. Сам я не большой фанат текилы, но мой агент заказал ее для всех, и я не мог отказаться. Ну, вообще-то мог. Я мог делать все, что захочу, черт подери. Но зачем отказываться от хорошего алкоголя.

Я поднес к губам кусочек лайма и впился в него, и кислый вкус фрукта слегка смягчил ожог, который никак не проходил. Комната слегка поплыла перед глазами, но затем фокус вернулся ко мне. Я уже выпил слишком много, но зато я чувствовал тепло и немоту, обволакивающую тело. Я откинулся в кресле, наслаждаясь знакомыми ощущениями. *В последнее время они стали слишком знакомыми*, пропищал голосок в голове, пока я не вырубил его.

Разговоры за моим столом превратились просто в фоновый шум. Я оглядел бар, и мой взгляд зацепился за официантку-брюнетку с подносом в руках. Она поставила на стол перед пожилым мужчиной бокал вина и стрельнула в меня глазами. Когда она увидела, что я гляжу на нее в ответ, ее глаза расширились и она поспешила удалиться. Мое сердце екнуло, заряд электричества прошелся по моему позвоночнику. Я нахмурился, удивленный своей реакцией. Теперь девушка стояла перед столом, за которым сидела пара. Она что-то сказала им, те улыбнулись, а девушка развернулась и ушла прочь, не взглянув на меня. Я наблюдал за тем, как она идет к бару, замороженный сам не понимая чем. Она была милашка, но не совсем мой тип. Мне больше нравились высокие гибкие блондинки... так ведь? Мои мысли смутили меня самого. Вдруг оказалось, что я сам не мог вспомнить, *кто* мне нравится. Были ли у меня предпочтения вообще, или я всегда *довольствовался* тем, что было?

Я потерял виски, чувствуя приближающуюся головную боль и все еще не в силах отвести взгляд от девушки. Гибкой она *точно* не была. И волосы у нее были не светлые. Ни высокая ни низкая, обычный рост, волосы собраны в неаккуратный хвост, ни следа косметики, насколько я мог судить, одета в мешковатую униформу, и... боже, я не мог перестать пялиться на нее.

– Ты еще с нами? – промурлыкала Шарлен, последняя из моих высоких гибких блондинок, наклоняясь к моему уху и проводя рукой по внутренней стороне моего бедра. У нее был сильный французский акцент, но не такой сильный, как ее приторный парфюм.

– Я тут, детка, – я лениво улыбнулся.

– Но мыслями ты где-то еще, – ее рука поднялась выше по моему бедру, остановившись почти у промежности так, что я весь напрягся. Мыслями я могу быть где-то еще, Шарлен, но мое тело точно тебя слушает.

Я оторвал взгляд от девушки, которая теперь стояла опершись о барную стойку и разговаривая с барменом, и переключил внимание на Шарлен. Контраст между простой, незамутненной миловидностью девушки, на которую я только что смотрел, и изысканной красотой Шарлен поразил меня. Я сам удивился, что мне хотелось отвернуться от Шарлен и продолжить

наблюдать за официанткой. Я сопротивлялся этому искушению, опустив взгляд вниз. Шарлен свела ноги, и сквозь разрез на ее вечернем платье показалась гладкая загорелая кожа.

Я поднял глаза от ее ног и улыбнулся, повернувшись к ней всем телом и сосредоточившись на нашем разговоре. Она не даст себя трахнуть после ужина, если я сейчас хотя бы чуть-чуть ее не пообхаживаю.

– Ты видел это? – спросила Шарлен, протягивая свой телефон. Я узнал логотип одного сайта, который только пересказывал слухи. На его странице красовалась наша с Шарлен совместная фотография. Ее сделали несколько часов назад на банкете после вручения наград – там я Шарлен впервые и повстречал.

– Посмотри, как они тебя назвали, – сказала она, посмеиваясь, и указала на подпись под фотографией.

Я присмотрелся и криво улыбнулся, отдавая ей телефон.

– Меня называли и похуже.

– Я думала, тебе понравится.

«Ты меня даже не знаешь. Откуда тебе известно, сука, что мне нравится?» Мои глаза забегали по бару, внезапно меня одолел приступ клаустрофобии. «Идиот. Кретин. Подонок».

– Хах, точно, – пробормотал я.

Шарлен вздохнула, приглаживая волосы.

– Ты странный, Каллен Хейс. Любому мужчине было бы приятно, если бы его назвали «самым сексуальным мужчиной в музыкальной индустрии».

Мужчина-официант, который до этого приносил нам напитки, неожиданно принес новые и поставил перед каждым из нас бокал чего-то янтарного. Я был благодарен за возможность передохнуть.

– Боже, еще выпивка? – спросил мой агент Ларри и, не раздумывая ни минуты, схватил свой бокал, пригнувшись и признательно улыбаясь. После его последнего похода в туалет у него на носу красовался след белого порошка. Я было подумал намекнуть ему на это как-нибудь ненавязчиво, но решил этого не делать. Тут всем было плевать.

– Не каждый день классический композитор получает награду Пурье, – сказала жена Ларри, Аннетт, настолько натянуто улыбаясь, что я подумал, она насмеяется. Она холодно посмотрела на Шарлен и подняла бокал. – За Каллена, который... *très bon* во всем, за что он ни возьмется.

Она еще раз улыбнулась мне, будто на что-то намекая, и выпила шот. Я видел, как двигалась ее элегантная длинная шея, когда она пила. Я взглянул на Ларри, но он смеялся чему-то, что рассказывал ему парень рядом с ним.

Я поднял бровь, кивнул Аннетт и выпил вслед за ней. Я расслабил галстук, пытаюсь вдохнуть полной грудью впервые за, казалось, долгие часы. Ужин выдался тяготящим, церемония награды была попросту скучной, а необходимость сидеть с этими лизоблюдами, с этими пустышками высасывала последние силы. Но вот в чем была закавыка: я был одним из них. *Ничуть не лучше*. Ох, я хотел только одного: оставить их тут всех одних и вернуться к себе в номер в одиночестве. Эта мысль манила и одновременно пугала меня. Мне нужно было работать над новой композицией. Меня наняли ее написать, а я до сих пор не выжал из себя ни одной ноты.

Я старался, как мог, заглушить эти страхи, и алкоголь мне в этом помогал. Чуть позже ту же функцию выполнит секс. Все это поможет ненадолго, но позволит заглушить слова – *его* слова. Достаточно, чтобы начертать что-нибудь на бумаге. *Пожалуйста, боже*. Но бог ни разу не ответил мне до этого, с чего бы ему отвечать сейчас? Нет, мне самому нужно постараться усмирить демонов. Как я всегда и делал.

Ненадолго, чтобы смогла заиграть музыка.

Три года назад я продал свою композицию одной французской независимой киностудии, совсем небольшой, и они использовали ее в качестве главной темы в одном из своих фильмов. Композиция стала такой популярной, что большая студия из Голливуда заказала мне еще несколько песен для фильма, который тогда был в производстве, – для фильма, который стал блокбастером. Сразу после такого успеха я выпустил альбом, получивший еще большее признание критиков, а затем и второй – к нему отнеслись уже более прохладно, и все равно, неожиданно для самого себя, я стал своего рода знаменитостью, которую люди фотографируют в ресторанах и на улице и которую приглашают на интервью на каналы с большим охватом. Это была та еще безумная карусель, и я неадекватно реагировал на то, что в мою личную жизнь теперь то и дело кто-то вторгался.

Как оказалось, это только приковало ко мне внимание, ведь теперь, в роли «композитора-плохиша», я становился поводом для новостей. Всем казалось, они нашли во мне какого-то мрачного творца, который запирался один в своей квартире, рвал на себе волосы и что-то строчил на бумаге, а затем нырял в постель к трем супермоделям, которые одновременно его ублажали. Не все в этой картине пустые выдумки, конечно. Хотя в последнее время я как-то подзавязал с творческой частью, но про сексуальные утехи не забывал.

Когда-то секс и алкоголь дарили мне то черное беспмятство, благодаря которому я мог потом выводить ноты. Тогда у меня действительно получалось уходить ото всех и работать днями, иногда неделями, – а теперь пара часов вдохновения – вот и все, на что я мог рассчитывать. Что было некстати, ведь я уже подписал контракт на создание саундтрека. От меня ожидали чего-то невероятного, а заказчиком была самая большая голливудская студия, которой была нужна музыка для фильма, намеченного на следующий год. Да, мне нужно было написать нечто поистине великое, чтобы не давать критикам повода злословить, что мой талант испаряется и что мой первоначальный успех – просто пыль в глаза. Конечно, я сам все это навывдумывал, но оттого ноша не становилась легче.

– Так что, Каллен, что у тебя дальше в планах – теперь, когда ты международная сенсация? – так ко мне обратился парень, который до этого разговаривал с Ларри.

Я бросил на него взгляд. *Международная сенсация?* Господи боже. Кто вообще так говорит? Да, я получил награду, и я этим гордился. Но почему все вокруг звучало так, будто брали у меня интервью для какой-то статьи?

– А вот и Грегуар из *Le Célébrité*, – сказал Ларри, кивком указывая на человека, который достал свой телефон и готовился снять руку Шарлен, которая все еще лежала у меня на бедре. Я взглянул на нее, и оказалось, что она улыбалась в камеру, прекрасно зная, что нас снимают для французского таблоида.

Я поднялся, оттолкнув Шарлен, отчего та издала раздраженный писк.

– Дальше в программе – помочиться.

– О, тут у французов есть такое красивое слово – писсуар, – встряла Аннетт.

Я проигнорировал ее, глядя на репортера, который влез в нашу компанию. Ему это не составило большого труда. Большую часть времени я вообще не знал, кто терся около нас.

– Хочешь, пойдем со мной, сфоткаешь мой член, пока я отливаю?

Репортер, казалось, на секунду задумался, не принять ли предложение, но затем покачал головой. Я издал гортанный звук, выражая свое отвращение. Меня закачало, но я все же направился к темному коридору за баром.

«Господи. Я пьян. Слишком».

Я почувствовал, что в кармане у меня завибрировал телефон, и провозился с ним еще минуты, пока не достал, потому что он зацепился за нитку. Наконец я вытащил его, сощурился и увидел лицо Ника, но тут его переключило на автоответчик, и он исчез с экрана. Наверное, он звонил, чтобы поздравить меня с наградой. Я остановился в коридоре, пока значок не показал,

что у меня было новое голосовое сообщение. Когда я нажал кнопку, чтобы проиграть его, раздался знакомый голос Ника.

*Хей, приятель. Я только что увидел в интернете, что тебе присудили награду. Хорошая работа, че сказать. Я горжусь тобой, чел. *пауза* Береги себя, окей, Каллен? И перезвони, когда сможешь.*

Я положил телефон обратно в карман, дав себе слово позвонить попозже. Я знал, что его бы расстроило, увидь он, как я пьяный прячусь в темном коридоре от людей-пустышек, что меня окружали. Людей, которые теперь играли в моей жизни большую роль, чем он, мой самый близкий друг, единственный, кому я действительно доверял.

«Это не настоящий ты, Каллен», – сказал бы он. Но это был настоящий я. Да, настоящий.

Я открыл дверь, но за ней оказалась кладовка со швабрами и моющими средствами. Я закрыл ее и поискал другую или хоть какой-нибудь знак, который бы дал понять, что уборная – это вот тут. Я ничего не находил. Я завернул за угол, заметил дверь в конце коридора и зашел в нее. Это был выход на уличное патио, которое закрыли то ли из-за времени года, то ли из-за позднего часа. Я хотел было идти назад, но решил побыть тут еще немного, вдали от притворного смеха и пустой болтовни. Я хотел просто *вдохнуть* свободно.

«Береги себя, окей, Каллен?»

И почему в последнее время это казалось такой трудной, почти невозможной задачей? Я подошел к стене, которая опоясывала патио, располагавшееся на крыше. Она была мне по грудь. Я оперся на нее локтями и наклонил шею, запустив пальцы себе в волосы и вдыхая носом прохладный воздух. Я почувствовал себя лучше, не таким пьяным... и не таким раздраженным и злым. Хотя кто его знает, что я действительно чувствовал. Я уже давно бросил надежды понять это. Я просто знал, что я был несчастлив.

Я услышал шум позади себя. Повернувшись, я увидел официантку-брюнетку. Дверь за ней медленно закрылась. Ее глаза расширились, а губы приоткрылись от удивления, потому что она не ожидала тут никого увидеть. Дверь толкнула ее в спину, отчего она слегка вскрикнула и сделала пару шагов вперед.

Какое-то время мы молча смотрели друг на друга через патио. Я изо всех сил старался не шататься.

– Я... эээ... извините, кажется, я не туда свернул. – Я обвел рукой уличное патио, как бы говоря, что это не то место, куда я намеревался попасть. Я надеялся, что она знает английский. Мой-то французский оставлял желать лучшего. По правде говоря, он был просто ужасен.

Она собралась было заговорить, но, кажется, передумала. Она посмотрела на меня еще немного и сказала:

– Я тут, чтобы спасти тебя.

Я нахмурился и оперся о стену. Что-то пронеслось у меня в мозгу – я пытался ухватить эту мысль, но она не давалась.

Она прикусила губу и начала переминаться с ноги на ногу, и я понял, что она, должно быть, пыталась пошутить. Девушкой она была очень робкой, и чувствовала она себя явно некомфортно. Я улыбнулся и поднял одну бровь, слегка усмехаясь.

– Я благодарен за это, но, дорогая, я думаю, с этим ты опоздала.

Она выдохнула, но теперь, когда, казалось бы, неловкий момент был позади, ей не стало легче. Скорее она выглядела... расстроенной.

– Вы что, не увидели табличку? – она кивнула в сторону двери.

Конечно же, видел.

– Я не читаю по-французски.

Она поджала губы.

– Там и французский, и английский.

– Я, наверное, не заметил.

Она вздернула брови, а я медленно двинулся к ней, влекомый силой, которую сам не мог объяснить.

Она не пошевелилась, не дернулась, она даже не выглядела удивленной. Когда я оказался рядом с ней, она снова посмотрела на меня. Во взгляде больше не было разочарования, теперь она смотрела на меня нежно, затаив дыхание. Как будто ожидала, что будет дальше.

– Ты американка, – сказал я, вдруг осознав, что у нее совсем не было акцента.

В ответ она просто кивнула.

Я изучал ее лицо, и с такого расстояния она была уже не просто миловидной, что-то в ней было еще. Кожа ее была гладкой и белоснежной, зато нос ее, заметил я, был припорошен веснушками. Я хотел поцеловать каждую из этих веснушек, провести по ним языком. Я знал, что на вкус они как невинность. Я почти засмеялся от такой мысли. *Невинность*. С каких это пор меня стала привлекать невинность?

Ее большие карие глаза, обрамленные пышными ресницами, расширились. Ее верхняя губа была полнее нижней и обращена слегка вниз, отчего девушка казалась слегка недовольной. Боже, раньше я и не замечал, да и не мог бы, каким мягким и влекущим был ее рот. Внезапно мне захотелось почувствовать эти розовые губы на своих, захотелось, чтобы они прикоснулись к моей коже. Мне хотелось этого больше всего на свете.

Я наклонился, ожидая в любую секунду, что она меня остановит, но она не стала этого делать. Наши губы встретились, и она издала звук, похожий на жалостливое хныканье, из-за которого у меня сразу же напрягся член. Эрекция становилась все сильнее, пока я проводил языком по ее губам, пробуя ее на вкус, исследуя. Она отвечала мне опасно, но нежно. Хотя она явно была неопытной, но ее поцелуй заставил мою кровь закипеть так сильно, как не получалось сделать ни у кого уже давно, возможно, никогда. Боже, она была такой сладкой, такой невинной и чистой.

Мой член налился кровью и уперся в ширинку. Я зарычал, привлек ее ближе и запустил пальцы ей в волосы. Я почувствовал, как ее хвост распался, как ее волосы заструились у меня по рукам. Я чувствовал запах ее шампуня, легкий и ненавязчивый.

Легкий и ненавязчивый.

Я хотел ее. Я так сильно хотел ее, что меня почти трясло. *Что же со мной такое?* Я почти был готов отвести ее к одному из пустых столов, заставить ее нагнуться, чтобы хотя бы немного унять напряжение между ног. Где-то в моем затуманенном сознании даже проскочила мысль, что эта девушка сможет залечить темные раны, болящие глубоко в моей душе, до которых я сам не знал, как добраться.

На одну ночь – *всего на одну чертову ночь* – я хотел затеряться в невинности, что читалась у этой девушки в глазах, в ее сладости.

Но в моей жизни не было места сладости. И тем более невинности.

Но, черт подери, я так сильно этого хотел. И я был готов признаться в этом, пускай и только себе, стоя сейчас на крыше в Париже холодной ночью, под сенью звезд. Меня манило это желание, словно муза, что пообещала задержаться не на одно мгновение, а на два, а может, и дольше. Я не заслуживал этого, но мне было все равно.

Я прервал поцелуй и принялся целовать ее щеки, ее веснушки, эти поцелуи, что оставил на ней ангел.

– Поехали со мной домой, – прошептал я, и мне не удалось скрыть похотливость в своем голосе.

– Ты пьян, – ответила она. – Я видела, как ты пил целый вечер.

– Все так, – я не отрицал этого. – Это нам не мешает. Я всегда на высоте.

Она замерла у меня в руках, и я понял, какими отвратительными должны были прозвучать мои слова. Они заставили ее почувствовать себя лишь одной из многих. А разве она такой

не была? Разве я не собирался сделать ее просто «еще одной»? Безликой. Стоило ли притворяться, будто она будет чем-то отличаться от остальных? Отличаться от десятков женщин, с которыми я проводил одну ночь и больше их не видел. Мне было нечего предложить такой девушке, как она, но почему тогда то чувство, что цвело у меня в груди секунду назад, начало увядать? Я не знал, что это было за чувство, но я знал, что почувствовал... *ничто*.

– Ты ведь не такой, – произнесла она, и в ее голосе легко различалась печаль.

Уже и не припомнить, когда кто-то горевал по мне. И что она имела в виду, говоря, что *я не такой*? Ах, она поняла, кто я. Она узнала меня. Может, она вообразила себе, что Каллен Хейс – не тот, каким его рисует пресса. Может, она думала, что меня просто не понимают. На мгновение, глядя в ее добрые глаза, мне самому захотелось поверить, что это правда. Но я знал, что дела обстояли не так. Я собирался сказать что-нибудь, чтобы исправить свою ошибку или извиниться, но тут вдруг позади нас распахнулась дверь. Я отпустил девушку, и мы оба неловко повернулись в сторону выхода.

В дверях стояла Шарлен, скрестив руки на своей маленькой упругой груди, вздернув одну бровь и страдальчески скривив свои блестящие красные губы.

– Если вы тут закончили, можем мы уже ехать? Ты ведь звал меня к себе домой, *oui*?

Я весь сжался внутри, видя, как у девушки опадают плечи. *Господи боже*. Я ведь предлагал ей то же самое. Девушка взглянула на меня – ее милый ротик припух, волосы струились по плечам, – и я увидел в ее глазах разочарование. Впервые за долгое время я посмотрел на себя чужими глазами, и я возненавидел себя. Она расправила плечи и отступила, прошла мимо Шарлен и вернулась в бар. Вот и все, так она и пропала.

Глава 2. Джессика

– Ну что, как все прошло? – спросила моя соседка Франческа, когда я вошла.

Я кинула сумку и пошла прямо к холодильнику, достала из него бутылку воды и сделала большой глоток.

– Нормально. Если быть официально безработной – это нормально.

Я печально улыбнулась Фрэнки и сделала еще один глоток. В квартире было душно, и я почувствовала, как по спине у меня начинает струиться пот.

– Я переоденусь и тут же вернусь.

Я отправилась в свою крохотную комнату и принялась стягивать с себя юбку и кофточку, аккуратно вешая их в шкаф. У меня было не так уж много одежды, подходящей для поиска работы, и мне нужно было обращаться с ней нежно, ведь теперь мне снова нужно было искать работу.

Я надела хлопковые шорты, широкий топ и собрала волосы в хвост. Это помогло мне немного остудиться, и в общую комнату я вернулась уже спокойной.

От резкого звука *фун* я замерла и рассмеялась, когда увидела, что Фрэнки открыла бутылку шампанского и теперь разливала его по двум узким бокалам.

– *Santé, mon amie*, – пропела она, передавая мне один из них и поднимая свой.

Я улыбнулась и отпила немного дешевого игристого.

– Это первый шаг на пути к замечательной карьере, – сказала Фрэнки.

– *Merci*, – я уселась на диван, поджав ноги, и поставила бокал на кофейный столик. Фрэнки села на другой стороне дивана, выпила еще немного шампанского и поморщилась.

– Это лучшее, что я могла себе позволить.

– С меня бутылочка, как только я найду работу. Давай надеяться, что у меня наконец-то хватит денег на что-нибудь нестыдное.

– Конечно, все будет, – улыбнулась Фрэнки. – Я горжусь, что ты все-таки решилась.

– Да-да. Но если я окажусь в приюте для бездомных, я буду винить тебя.

– Тут мне крыть нечем. Хотя, мне кажется, таких приютов уже не осталось. Ты закончишь на холодной одинокой улице, моя маленькая капустка.

– Класс, – я улыбнулась этому милому словечку, нашей с ней шутке. Как-то раз она где-то услышала выражение *ma chouquette* и спросила меня, как оно переводится. Я перевела буквально. Теперь это было любимое прозвище Фрэнки. У Фрэнки было итальянское имя, но, несмотря на это, она не знала *вообще* ни одного романского языка на хоть сколько-нибудь приличном уровне. Когда мы только встретились, она владела от силы десятком французских слов. Я столкнулась с ней в интернет-кафе, когда я впервые приехала в Париж, услышала, как она коверкает язык, пытаюсь сделать заказ – кофе и круассан, – и помогла ей. Мы разговорились и тут же сдружились. Мы обе искали соседа, так что казалось, мы предназначены друг для друга. К счастью, она прокачала свой французский, стоило ей немного пожить и поработать тут. Она работала в доме мод одного трендового дизайнера по имени Клеменса Майяр. Она любила свою работу, но зарплата там была не то чтобы выше моей.

«Впрочем, – напомнила я себе, – у кого угодно теперь была зарплата выше, чем у меня. Ведь у меня ее просто *не было*».

– Как Винченцо отнесся к тому, что ты ушла?

– Нормально, – вздохнула я, – ему будет нетрудно найти кого-то на замену.

Я взяла бокал и сделала глоток. Наверное, Винченцо уже заделал эту брешь. Лаунж-бар *La Vie* был одним из самых популярных и модных в Париже, и с чаевыми там обычно не обижали. Но я уже достаточно поработала официанткой с неполной занятостью.

Год назад я окончила Корнеллский университет: я стала магистром французского языка, а дополнительное образование получила как историк средневековой Франции. После этого я переехала в Париж и стала искать работу. Единственный отклик, который мне пришел, был от маленькой газеты – зарплаты там мне бы не хватило, чтобы нормально питаться три раза в день. Тогда я и стала ресторанным работником в *La Vue*, а в перерывах занимала себя тем, что проходила (неоплачиваемые) стажировки в музеях. Моя последняя стажировка только что закончилась, и уход из *La Vue* должен был подтолкнуть меня к поиску работы по специальности, на которой платили бы достойные деньги. Фрэнки была права – пора было сделать прыжок веры.

Во время учебы я обнаружила у себя талант – мне нравилось переводить со старофранцузского. Если бы я смогла найти работу, где бы этот навык не пропал даром, сбылась бы моя мечта.

Я бы могла попросить о помощи своего отца – это бы позволило мне быстрее начать карьеру, – но я была убеждена, что делать этого не надо. Когда-то он решил, что самое качественное образование в моем родном городе можно было получить во французской школе. Тогда-то я и открыла в себе тягу к французскому и всему, что с ним связано. За это я была благодарна отцу, и на этом, пожалуй, все. Моя мама умерла от рака, когда мне было двадцать. Диагноз ей поставили, когда она была уже на четвертой стадии, поэтому казалось, что вот она была, а на следующий день ее не стало. Прошло четыре года, и я все еще горевала по ней, но еще меня печалила та жизнь, на которую *она* согласилась. Она прожила всего сорок восемь лет и половину из них – с человеком, который вел себя с ней так, будто она для него ничего не значила. Для себя я хотела чего-то большего. Я бы никогда не согласилась на подобную жизнь. Мой отец быстро женился еще раз на девушке, которая была старше меня всего на год. Я была уверена, что и ей он уже тоже изменяет. Не то чтобы мне было интересно. И не то чтобы я *волновалась* об этом. Мы никогда не были близки, а теперь вообще почти не разговаривали.

За Фрэнки мне нужно сказать спасибо каким-то высшим силам. У меня была небольшая компания друзей в Париже – в основном девочки из *La Vue*, – но Фрэнки стала для меня скорее сестрой, которой у меня никогда не было. Теперь в Париже у меня была семья, которую я сама выбрала.

Я снова откинулась на диване. С самого завтрака я ничего не ела, и от шампанского я уже чувствовала себя сонливой и вялой.

– Он больше не приходил в бар, да? – спросила Фрэнки, не отводя от меня взгляд.

У меня почти получилось сделать вид, что я не знаю, о каком таком «он» идет речь, но Фрэнки прекрасно знала, что я просто играла в небрежное равнодушие.

– Нет, не приходил.

Прошло два месяца с той ночи, когда Каллен Хейс пришел в *La Vue*, поцеловал меня в беспамятстве и оставил меня ради другой женщины. Не то чтобы ему нельзя было так поступать... Они ведь прибыли вместе, в этом не было сомнений. Я видела, как они сидят рядом за столом с кучей других гостей. Но смотрел-то он на *меня*, вот я и понадеялась...

Ну, я надеялась, что, по крайней мере, он меня узнает. Но этого не случилось. Он понятия не имел, кто я такая – просто официантка, которая, думал он, Наверное, строила ему глазки весь вечер. Это, конечно, так, ну, вроде того – глаз я не могла отвести от удивления. Спустя все эти годы мой Каллен снова вернулся в мою жизнь. Хотя он никогда не был *моим* Калленом. И, что ж... никогда и не будет.

Но в тот вечер я не могла побороть волнение, охватившее меня, когда во мне загорелась надежда: вдруг он вспомнит, кто я такая – маленькая девочка, с которой он сидел в вагоне на заброшенном участке железнодорожных путей когда-то давным-давно. Маленькая девочка, вместе с которой он отправлялся в путешествия, с которой он играл, потакая ее гиперактивному воображению.

Он поцеловал меня на патио, но больше он не был на вкус как тепло и надежда, а ведь таким я его запомнила. Теперь он был весь – алкоголь и порок. Он больше не был тем мальчиком, которого я знала, – даже близко им не был, – и это разбило мне сердце. Я вернулась домой и рыдала Фрэнки в плечо, рассказывая ей все с самого начала. Это был уже второй раз, когда он поцеловал меня и больше не вернулся. *Больше не вернулся.*

Она, конечно, знала, кто такой Каллен Хейс, – как и всякая девочка или женщина от пятнадцати до пятидесяти. Когда я впервые увидела его в телешоу *Entertainment Today*, я едва не потеряла сознание. Меня загипнотизировал вид прекрасного мужчины в телевизоре. Он выглядел знакомым, хотя я и не могла сказать точно почему, но, когда ведущая назвала его имя, я сразу поняла, кто это. Я закрыла рот рукой, чтобы сдержать громкий возглас удивления, и осела на диване, ошеломленно наблюдая за тем, как он без особых усилий очаровывает ведущую, которая явно от него тащилась.

Эта улыбка. Он был красивым мальчиком, но теперь он был... просто сногшибательным.

Из своей книги «Король Артур и рыцари Круглого стола» я достала старый кусочек бумаги и просмотрела поблекшие уже ноты, не в силах побороть удивление от того, что вот этот знаменитый мужчина в телевизоре – это тот самый мальчик, что нарисовал их когда-то. Я скачала все его треки и в одном из них узнала тот, что он наигрывал в вагоне много лет назад, – он понял, как довести его до ума. Я снова и снова слушала этот трек на своем iPod'e: надев наушники, закрыв глаза, я путешествовала обратно во времени. Клянусь, я чувствовала его мальчишескую мозолистую руку в своей. Глупая, глупая я. Но я ничего не могла с собой поделать.

С тех пор я следила за его карьерой, за тем, как всходила его звезда, как росла известность, и я... гордилась. Мне хотелось задать столько вопросов о том, почему он исчез не попрощавшись, но я не стану отрицать: каждый раз, читая статью о нем, внутри я ощущала гордость. Конечно, когда он вел себя как «плохой парень», за свои выходки он попадал еще и на страницы таблоидов. За ним закрепилась определенная репутация – медиа она восхищала, а женщины находили ее соблазнительной. Я спрашивала себя, сколько в этом образе было настоящего Каллена, а сколько – медийной манипуляции, но его поведение в баре *La Vue* ответило на мой вопрос. Он был именно тем Калленом из таблоидов – он пил, кутил и... целовал глупеньких девушек на патио просто потому, что мог. Потому что я – *они* – сами шли к нему в руки.

И с чего бы мне теперь ходить с разбитым сердцем? Он ничего не был мне должен. Я знала его совсем недолго, когда-то давно, когда мы еще были детьми. И да, он вырос в тщеславного бабника – в безумно успешного, страшно талантливого и тщеславного бабника. Что ж, тем лучше для него. *И мне еще повезло, что в ту ночь он ушел с той блондинкой.* То, что он оказался способен бросить свою спутницу, чтобы уйти сосаться с незнакомкой, на поиск которой у него ушло всего три минуты, – о, все поведало мне о нынешнем Каллене Хейсе больше, чем я хотела бы знать.

Что бы сейчас ни выражало мое лицо, Фрэнки взглянула на меня с жалостью. Я прикончила шампанское и подняла бокал вверх, требуя еще. Фрэнки схватила бутылку и наполнила мой бокал.

– Ты не думала попробовать связаться с ним?

– Боже мой, нет. Зачем мне это делать?

– Ты даже не рассказала ему, кто ты такая, – пожала плечами Фрэнки. – Ты не думаешь, что он мог...

– Что он мог? Одарить меня очередной интрижкой на одну ночь, которыми он так знаменит?

– Думаешь, тебе бы не понравилось? – ухмыльнулась Фрэнки.

Я закатила глаза, награждая ее лучшим презрительным взглядом из тех, что был у меня в запасе. В отличие от меня у Фрэнки всегда был бойфренд или хотя бы тот, за кем она увивалась. Она перебегала от одного мужчины к другому, постоянно влюбляясь и теряя интерес. Но то, что Каллен Хейс был готов предложить мне той ночью – если он вообще был готов хоть на что-нибудь, – имело мало общего с любовью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.